

Родители, которые откровенно игнорируют своего сына?

Эта история только и ждет, чтобы распространиться со скоростью лесного пожара.

Что, если я расскажу об этом своим родителям?

Могут поползти слухи - например, что второй сын в этом доме может быть незаконнорожденным ребенком или что-то в этом роде.

Когда я дал волю своему воображению, уголки моих губ приподнялись.

В конце концов, первым, кто нарушил эту удушливую атмосферу, был отец Го Ёхана. Он был единственным, кто действительно отреагировал на его слова.

— Хорошо. Говори.

Произнося это, он выдавил из себя добрую улыбку.

Для постороннего человека он мог бы показаться любящим отцом, терпеливо ожидающим, когда заговорит его сын. Но для меня, человека, знающего динамику развития этой семьи, это было не более чем притворством.

При этом выражении лица Го Ёхан скривился.

Его пальцы впились в ладони, прежде чем он поднес их ко рту. Треск. Треск. Он начал грызть ногти. Его широкие плечи опускались все ниже и ниже.

— Я поем позже. Один.

— ...А? Почему?

Я не мог понять его выбора.

Поэтому я выпалил свои мысли, не скрывая своего замешательства.

Услышав это, Го Ёхан повернул голову в мою сторону, его бледное лицо застыло. Его руки, до этого спрятанные под столом, теперь были видны. Его белые пальцы, четко выделявшиеся на фоне форменных брюк, дрожали.

Го Ёхан изобразил на лице нечто похожее на улыбку. Это было притворство - ради его

родителей.

И, увидев выражение его лица, я почувствовал только горечь.

— На самом деле я не голоден.

Тот самый Го Ёхан, который руководил школой.

Тот самый Го Ёхан, который растоптал Хан Джун У.

Тот самый Го Ёхан, которому нравилось разрушать дружеские отношения.

Тот, кто беззаботно гонял резиновые мячи в классе, кто бросал жучками в учеников, которые ему не нравились, кто капризничал перед учителями только потому, что мог, – вот кто такой Ёхан.

И все же, здесь, дома, он был в самом низу пирамиды.

Четыре человека. Всего четыре человека.

Один из которых был даже моложе его.

И все же они были могущественнее тысячи других, вместе взятых.

Меня охватил прилив непонятных эмоций.

Го Ёхан посмотрел на меня. Затем он опустил голову.

Его почти 190-сантиметровая фигура повернулась в сторону темного коридора.

Наблюдение за тем, как он замыкается в себе, выводило меня из себя.

Почему?

Почему он должен был так жить?

Тот, кого я знал, – тот, кто процветал в дикой природе, в мире без ограничений, – вот кто был настоящим Го Ёханом. Самый очаровательный старшеклассник из всех, кого я когда-либо знал.

И я не был готов увидеть его кастрированную версию.

Может быть – только может быть – я пришел в эту школу, чтобы помочь ему.

Может быть, я вырос таким, чтобы защитить его.

Даже у моей жестокости были свои причины.

Возможно, Бог любил его. Любил настолько, что создал меня ради него.

Когда эта нелепая мысль пришла мне в голову, я молча считал дни, оставшиеся до дня рождения Ёхана.

Он был моложе меня.

Да. Может быть, именно поэтому я родился первым.

Я тихо выдохнул.

И я солгал.

— Ты же сказал мне, что голоден.

Как только я заговорил, Го Ёхан резко повернул голову, словно его ударило молнией.

Его бледное лицо в шоке повернулось ко мне.

— Эй, когда я успел?..

— Просто поешь с нами. Хорошо?

Не дожидаясь ответа, я большими шагами двинулся вперед.

Я схватил Го Ёхана за запястье, прежде чем он успел юркнуть обратно в темный коридор. Его большая рука дрогнула.

Я улыбнулся ему, как будто ничего не случилось.

А затем, все еще держа его за руку, потащил к столу.

Выражения лиц трех человек, наблюдавших за этой сценой, были просто бесценны.

— Эй, разве ты не говорил, что любишь маринованных крабов? Твоя мама приготовила их специально для тебя. Тебе повезло.

— Да, это для тебя. Давай, ешь.

Мать Го Ёхана, явно взволнованная, неловко подняла руку.

Полная чушь.

Я понятия не имел, действительно ли Го Ёхан любит маринованных крабов.

Я почти никогда не ел с ним, кроме школьных обедов, а в кафетерии никогда не подавали крабов с пряностями.

Но я смутно припоминал, что он не любил морепродукты.

Он даже не притронулся к бульону, приготовленному из креветок.

Я застукал его за тем, как он потихоньку выбирал кусочки морепродуктов, украдкой поглядывая на меня.

Так как же, черт возьми, его собственные родители этого не знали?

Ответ настолько взбесил меня, что я посмеялся над ними.

— У час всего три набора посуды. Где мне взять еще?

Я изобразил невинность.

Мать Го Ёхана, которая казалась немного мягкосердечной, с тревогой взглянула на своего мужа.

Отец Го Ёхана просто уставился на меня.

Его холодные глаза, такие же, как у Го Ёхана, скользнули по мне.

Я напрягся, собираясь с духом.

— ...

Дерьмо. Не перегибаю ли я палку?

Я не хотел, чтобы они заметили мою враждебность.

Обманывать взрослых, особенно тех, кто прожил в два раза дольше меня, было нелегко.

И это заставляло меня нервничать больше, чем любая другая ложь, которую я когда-либо говорил.

Мои ладони были влажными от пота.

Та часть меня, которая пряталась за маской Го Ёхана, чувствовала, что я ступил на опасную территорию.

Должен ли я теперь отступить? Не было ли это слишком безрассудно?

— Ах, моя мама, наверное, не знала, что я дома.

Го Ёхан поспешно попытался сгладить ситуацию.

— Да... Думаю, да.

Равнодушно ответил отец, делая глоток воды.

— Оу... Понятно.

Когда он опустил стекло, в прозрачном стекле отразился его холодный взгляд.

И этот взгляд остановился на моей руке.

Я проследил за его взглядом.

Мои пальцы все еще были переплетены с пальцами Го Ёхана.

Дерьмо.

Вздвогнув, я отдернул руку.

Затем, притворившись, что ничего не произошло, я переместил свое тело и посмотрел в другую сторону.

— Ничего, если я посижу здесь?

Я решил, что между матерью Го Ёхана и его младшей сестрой, сестра была бы более безопасным выбором.

Но как только я сел рядом с Го Розой, она бросила на меня короткий взгляд, полный отвращения, и отвернулась.

— Извините за вторжение. Вы, должно быть, проголодались.

К тому времени Го Роза молча жевала свою еду, тупо уставившись в стол.

Мать Го Ёхана, выглядевшая слегка смущенной, выдавила из себя легкую улыбку и села.

Единственным человеком, который остался наблюдать за мной, был отец Го Ёхана.

— ...

Какого черта он так смотрит?

Напряжение было невыносимым.

Чтобы избежать его взгляда, я переминался с ноги на ногу, делая вид, что осматриваю кухню.

Потом, когда мне больше нечего было делать, я начал делать вид, что ищу чашку или кухонные принадлежности - просто так.

Все еще неловко стоя, я жестом пригласил Го Ёхана сесть.

— Ёхан, садись.

— ...

Го Ёхан заколебался, увидев мой жест.

Затем он встретился со мной взглядом.

Но я не мог выдержать его взгляда.

Я слишком боялся пронзительного взгляда его отца.

Поэтому я избегал его взгляда.

И из-за этого я не видел, какое у него было выражение лица.

Как раз вовремя. Или, может быть, не вовремя.

Из кухни вышла домработница, пожилая женщина, неся миски с рисом и кухонную утварь.

Она поставила одну из них передо мной.

Затем она заколебалась, не зная, куда поставить последнюю.

На мгновение она застыла в нерешительности.

И тут Го Ёхан наконец нарушил молчание.

Он медленно подвинулся.

И выдвинул стул рядом со мной.

Почему рядом со мной?

Его отец сидел посередине.

Его мать и сестра были по обе стороны от него.

Поскольку я занял место рядом с его сестрой, не имело ли смысла, чтобы он сел рядом со своей матерью?

Почему он предпочел сесть рядом со мной?

Это было не совсем неправильно, но как-то... не так.

— ...

Только после того, как Го Ёхан сел, экономка поставила перед ним миску с рисом.

И в тот момент, когда мать передала ему маринованного краба, трапеза, наконец, началась.

Го Роза и его отец ели в полном молчании.

Разительный контраст с теплым, счастливым семейным ужином, который я когда-то видел.

Сейчас за этим столом улыбалась только его мать.

— Это немного, но ешь. Ёхан, тебе нравится?

Го Ёхан сидел за столом, тупо уставившись на свой белый рис, перед которым не было ничего, кроме ярко-красного маринованного краба. Он молча посмотрел на свою тарелку, затем на краба, прежде чем нерешительно подцепить кусочек палочками для еды. После недолгого колебания он, наконец, откусил кусочек.

Сквозь треснувшую красную скорлупу виднелась бледная мякоть. Его острые клыки, тусклые и безжизненные на вид, прогрызли твердую скорлупу с серией громких, преднамеренных щелчков. Он прожевал мягкое, соленое мясо, его лицо слегка скривилось, когда он тихо вздохнул. Затем его взгляд метнулся ко мне.

Значит, он действительно ненавидит морепродукты.

Глубокая складка между его бровями отпечаталась в моей памяти, как печать. Это выражение врезалось мне в память, заставляя действовать.

Я потянулся за бульгогами, которые лежали в центре стола. Оглядываясь назад, я понятия не имею, зачем я это сделал. То, как я выкладывал мясо на тарелку, было практически варварством. Забывшись на мгновение, я позволил соку свободно стекать, когда положила большой кусок мяса в миску с рисом Го Ёхана.

И когда я поднял глаза, все взгляды за столом были прикованы ко мне.

— ...

На секунду я подумал, что, черт возьми, я только что сделал?

Я застыл на месте.

Я закатил глаза, ища выход, но на самом деле я не сделал ничего плохого. Поэтому я просто сказал честно.

— Э-э-э.... Ёхан не выглядел так, будто хотел это есть.

Я смущенно пробормотал эти слова. Затем, словно пытаюсь оправдаться, повернулся к нему и добавила,

— Я имею в виду, мне показалось, что тебе не понравилось, поэтому я просто...

Го Роза приподняла бровь.

Это был ответ?

Я неловко улыбнулся и отвернулся.

Трапеза продолжалась в невыносимой тишине.

Го Роза закончила есть первой. Не сказав ни слова, она покинула столовую.

Следующим был отец Го Ёхана. Он сделал глоток оставшейся воды, не сводя глаз с нас.

Наконец, когда мать Го Ёхана взглянула на меня, прежде чем встать, его отец тоже поднялся и последовал за ней.

Уходя, он бросил всего один комментарий.

— Ты действительно делаешь все возможное.

Эти слова ударили меня как гром среди ясного неба.

Поскольку я сидел прямо рядом с Го Ёханом, я даже не мог понять, к кому он обращался.

Я что-то напутал?

Я молча прикусил губу.

Столовая, теперь пустая, если не считать нас, казалась пугающе пустой.

Го Ёхан опустил голову на стол, рассеянно ковыряя палочками в тарелке.

Сегодня он ел медленно.

И единственным, кто ждал, пока он закончит есть, был я.

Когда он, наконец, слегка приподнял голову, он посмотрел на меня.

Я встретил его взгляд в ответ.

— Я поем с тобой. Я подожду.

Я ясно выразил свое намерение.

В тот момент я возможно был немного высокомерен.

Го Ёхан, увидев мой жест, побледнел и стал холоден как лед.

Ответа не последовало.

Словно преступник, наблюдающий за последними мгновениями своей жертвы, я подождал, пока он доест свой последний кусочек, прежде чем, наконец, встать.

Го Ёхан молча последовал за мной.

Я был слишком погружен в свои мысли, чтобы даже заметить, какое у него было выражение лица.

Потому что единственное, что крутилось у меня в голове, это...

Не был ли я слишком груб ранее?

Стараюсь изо всех сил - он имел в виду меня?

Они что, думают, я какой-то бестактный идиот?

Дерьмо. Зачем я это сделал? Просто чтобы убедиться, что Ёхан поел?

Все еще погруженный в свои мысли, я толкнул дверь в комнату Ёхана.

Я стоял там, ожидая, пока он войдет, все еще опустив голову.

Как только он вошел, я закрыл за ним дверь.

Это был мой способ проявить внимание – своего рода жалость к нему.

Доброта к жалкому на вид Го Ёхану.

Его глаза скрывала длинная челка.

Мое внимание привлекли его обнаженная ключица и наклоненная вниз голова.

Я с трудом сглотнул.

Линии тела Го Ёхана всегда были непристойными.

подавив свои желания, я наклонился к нему.

— Что-то не так?

— ...

— Ты расстроен из-за своего отца? Прости, я просто...

Я заговорил с тревогой, ожидая его ответа.

Когда он слегка приподнял голову, я увидел это.

Его глаза были красными.

— ...

Я потерял дар речи.

Он плакал?

Слез не было, но покрасневшие глаза сказали мне достаточно.

Го Ёхан уставился на меня своими непроницаемыми, горящими глазами.

Затем, внезапно, его большая рука схватила меня за плечо и дернула вперед.

— Подожди. Ёхан, что ты... ай!

Меня беспомощно потянуло вперед.

Мягкий матрас подхватил меня, прежде чем слегка подбросил.

Я инстинктивно попытался сесть, но вес Го Ёхана заставил меня снова лечь.

Я сопротивлялся, пытаюсь оттолкнуть его, пока его рука не коснулась моей шеи.

— Что ты, черт возьми, ты...

— Тебе было весело?

Его голос стал тихим, когда его пальцы слегка сжали мое горло.

Искривленный изгиб его губ едва скрывал рычание.

— Тебе было весело?

— Ч-что ты...! Отпусти...!

— Черт... Я спросил, было ли тебе весело?!

Его крик обрушился на меня, как приливная волна.

И в этот момент я начал тонуть.

Тонуть в абсолютной силе его эмоций, поглощенный их удушающей глубиной.

Его голос эхом отдавался у меня в голове, словно звук, заточенный в глухой пещере.

Его хватка на моих плечах была такой сильной, что причиняла боль.

— Я-я...

— Тебе понравилось? Смотреть, как я, черт возьми, дрожу перед своим отцом, видеть, как я не знаю, что, черт возьми, делать, – это все, должно быть, сделало тебя счастливым.

Почему?

Зачем он так?

Я действовал импульсивно – от разочарования, потому что мне была ненавистна мысль о том, что он пропустит ужин.

Был ли я эгоистом?

Действительно ли мой поступок стоил того, чтобы вызвать такую ярость?

В моей груди бушевала буря вины и негодования.

— Это не то, что...

Жар от его гнева распространился на его хватку.

Мое горло горело под его рукой.

Я открыл рот, но из него вырвались только тихие вздохи.

Как золотая рыбка, беспомощная и немая.

И Го Ёхан, видя мою беззвучную борьбу, наконец выдохнул.

Его долгий выдох был почти раздраженным.

Он медленно убрал руку с моего горла.

Его полуприкрытые глаза оглядели меня с головы до ног.

— Кто, черт возьми, просил тебя заходить так далеко?

Его слова прозвучали как пощечина.

И моя гордость – моя чертова невыносимая гордость – немедленно подняла голову.

С кем, черт возьми, он, по-его мнению, разговаривал?

Я стиснул зубы.

— Это было совсем не весело.

— ...

Го Ёхан опустил голову, чтобы как следует рассмотреть меня.

Я на секунду заколебался.

Он был сильнее меня.

И в этот момент его сила значила больше, чем что-либо еще.

Гнева Го Ёхана следовало опасаться.

Зажатый между его ног, придавленный его весом – его присутствие подавляло.

Вот почему я объяснился.

Потому что я не хотела, чтобы он меня ненавидел.

— ...Я сделал это только ради тебя. Потому что ты выглядел жалко.

— ...Что?

Он нахмурил брови.

Я тут же закрыл рот.

Дерьмо.

Я не должен был так говорить.

Мне нужно было другое оправдание.

Что-то более правдоподобное – что-то, что помогло бы мне выпутаться из этого.

— Ты выглядел таким расстроенным... Ах!

Если бы я вообще мог договорить.

Го Ёхан мгновенно перевернул меня на спину. Я попытался вырваться, но нижняя часть его тела придавила меня, не давая пошевелиться.

— Эй! Что, черт возьми, ты делаешь?

— А, точно. Мне следовало сказать это при родителях.

— Отпусти... Я сказал, отойди прямо сейчас...

— Ты сделал все, что хотел, так разве я не должен хотя бы раз сделать то, что я хочу?

— Что... Что ты только что сказал?

— Мне нужна компенсация. Тебе так не кажется?

О чем, черт возьми, он говорит?

Странное чувство страха поползло у меня по спине. Это было то особенное ощущение, которое возникает перед тем, как случится что-то ужасное. Я попытался отвести взгляд от покрывала, но в тот момент, когда я повернул голову, Го Ёхан опустил его. Все мое лицо было прижато к простыне, и я был не в состоянии что-либо сделать.

— Ты серьезно, блять... Блять... Черт!

Я не мог нормально дышать. Мои дыхательные пути были перекрыты. Я отчаянно размахивал руками, но ничего не мог достать. Только мягкое одеяло выскользнуло из моих пальцев. В груди у меня закололо от нехватки воздуха, и мне пришлось прекратить борьбу.

— ...Черт возьми..

Прежде чем я смог закончить, Ёхан уткнулся губами мне в шею и втянул воздух.

— Эй, подожди, ммпф, подожди...

Волна потрясения захлестнула меня. Ощущение покалывания поднялось к горлу, пробежало по венам, как электрический ток, и потрясло мой мозг. Его грубые руки, которые до этого давили мне на плечи, скользнули, чтобы схватить меня за руки и талию.

На мгновение я застыл, не в силах осознать ситуацию.

Затем, как только я понял, что только что произошло, я тихонько вскрикнул.

— Эй, отпусти... Отпусти...

Острые клыки вонзились мне в плечо.

Рука Го Ёхана вцепилась в мою одежду, сдергивая ее вниз, как когти. В то же время другая его рука скользнула мне под рубашку. Я почувствовал щекотку на своей обнаженной коже. В этот момент я закрыл рот, подавляя крик.

Он, черт возьми, сошел с ума.

Какого черта это происходит?

Я собрал все свои силы, чтобы вырваться из-под Го Ёхана.

Но он был на целую голову выше меня - нет, самый крупный и сильный парень во всей школе. Оттолкнуть его было невозможно. Я уперся ладонями в его ноги, но это ничего не дало.

— Ёхан... Ах! Ааа! Больно..! Хаахк!

На этот раз я схватил его за воротник и дернул. Это было чистое отчаяние - попытка освободиться, несмотря ни на что.

Треск.

Воздух наполнился звуком отрываемых пуговиц.

Дерьмо.

Это не сработало.

Все, что мне удалось сделать, это разорвать на нем одежду, в то время как боль все сильнее отдавалась в моем плече. Рука, которая шарилась по моей обнаженной коже, внезапно схватила меня за рубашку и сильно дернула. На белой ткани образовались складки.

Я отчаянно изогнулся, пытаюсь вырваться из его хватки.

Но Го Ёхан прижал меня к себе, еще сильнее вдавливая в кровать.

И снова у меня перехватило дыхание.

— Кххк!

Оторвав зубы от моего плеча, он снова укусил меня, на этот раз за обнаженную шею. И без того растянутая ткань моей рубашки расстегнулась еще больше, обнажив мою кожу.

Я пытался воспользоваться небольшими промежутками, которые появлялись, когда мы двигались, но каждый раз Го Ёхан ловил меня, прежде чем я успевал убежать. Его хватка была грубой, неумолимой.

И затем...

Он навалился на меня всем своим весом.

От такого давления у меня задрожали кончики пальцев.

Между нами не осталось места.

И затем...

Что-то твердое уперлось мне в спину.

— Разве Го Ёхан не самый большой парень в нашем классе? Нет, подожди, разве он не самый большой во всей школе? Какого хрена? Не его рост – ВОТ ЧТО. Жене Ёхана придется жить у гинеколога. Один прием у него, и ей гарантировано инвалидное кресло. Блять. Это все равно что рожать дважды.

Грубая шутка Ким Минхо промелькнула у меня в голове.

Тошнотворное осознание этого факта поселилось у меня в животе.

Я слегка повернул голову, заставляя себя посмотреть на Го Ёхана.

Наши взгляды не встретились.

Все мое тело начало дрожать.

Почему?

Почему, черт возьми, я чувствую это на своей спине?

— Не... не делай этого...

Но Го Ёхан по-прежнему не слушал.

В голове у меня было пусто.

Мое зрение металось между его макушкой и простынями подо мной.

В глубине души мои инстинкты вопили.

Включилась красная сирена.

Я схватил все, что мог - одеяла, подушки, все, до чего мог дотянуться.

Губы Го Ёхана прошлись по моей шее, дразня мой затылок.

Каждый раз, когда я пытался за что-то ухватиться, он без усилий отрывал мои руки, используя лишь одну свою.

Ничего не помогало.

И затем...

Жар залил мне глаза.

— Ты, гребанный псих, я сказал прекрати! ОСТАНОВИСЬ!

Его губы коснулись моего подбородка.

Я ударил его ладонями по лицу.

И, собрав все свои последние силы, я толкнул его.

Что-то дернулось.

Его шея дернулась в сторону.

Я еще не был полностью бесполезен.

Я жив.

Это было первое, что пришло мне в голову.

В тот момент, когда я увидел свой шанс, я вскочил.

Но мое пропитанное страхом тело потеряло равновесие.

Дерьмо.

Моя нога подвернулась.

У меня перед глазами все поплыло.

Я падал.

Приготовившись к неизбежному столкновению, я зажмурил глаза.

Но вместо твердого пола...

Я врезался в тело Го Ёхана.

— ...Ух!

В тот момент, когда я упал, Го Ёхан перевернул нас.

Я понял это только после того, как столкнулся с ним.

В тот момент, когда я услышал его тихий стон, я подскочил как молния.

А затем - нерешительно, неловко - посмотрел вниз на переплетение конечностей подо мной.

Го Ёхан лежал, свернувшись калачиком, его спина изогнулась от боли.

— ...Ёхан?

Гребаный идиот.

На долю секунды я забыл.

Я забыл, что он только что делал со мной.

Я забыл, что, черт возьми, только что чуть не произошло.

Вместо этого...

Я беспокоился о нем.

<http://bllate.org/book/12586/1118501>